

Станислав Петров,
политолог

Об особенностях жанра глобальных прогнозов

«И примешь ты смерть от коня своего!»
(А.С.Пушкин)

Политика как особая сфера практической деятельности всегда сопряжена со специальной теоретической сферой прогнозов. Можно вспомнить классический пример античных оракулов, регулярно снабжавших царей и тиранов символическим капиталом для обоснования политики. Но и через два или три тысячелетия ситуация не сильно изменилась. Например, некто Алан Гринспен при нескольких администрациях в Вашингтоне служил финансовым оракулом всего Запада, превращая руду неоднозначных статистических показателей в однозначно блестящие перспективы.

Наступление социального кризиса, плавно переходящего в политическую сферу, тоже всегда связано с изменением и измельчением прогнозов. В своей статье «Просуществуют ли США до 2008 года?» я уже обосновывал возможность предсказать кризис политической системы на основе

**Отсутствие внятных
интерпретаций,
указаний
направления
движения создаёт
ощущение хаоса
и надвигающейся
катастрофы**

изменений в циркулирующих прогнозах. Судя по всему, этот прогноз из прогнозов не сильно отклонился от действительности. С осени 2008-го политические лидеры вынуждены придерживаться самых простых оракульных предсказаний типа: «Неизбежны перемены», «Предстоит перезагрузка», «Катастрофы не будет», «Стабильность несмотря ни на что». Однако именно отсутствие внятных интерпретаций, указаний

направления движения создаёт – не в обществе, а в элите – ощущение хаоса и надвигающейся катастрофы. Вот что означает остаться без пророка в отечестве и даже в глобальном масштабе.

До сих пор при наступлении трудных времен в мировой экономике аналитики и прогнозисты немедленно обращались к наследию великого русского экономиста Николая Кондратьева, который во время Великой депрессии 1929 года

оказался «светом в конце туннеля», единственным пророком для чужих отечеств. Кондратьев показал, как можно и нужно выходить за рамки сугубо экономических подходов, корректно и аккуратно привлекать к исследованию граничных условий экономических процессов иные, сопряженные сферы – технологические, социальные, политические процессы. В этом смысле теория «длинных волн» Кондратьева стала новой вершиной исторического материализма, превзойдя анализ Маркса. За что, собственно, автор как конкурент официальной «вершины» и поплатился жизнью.

Но мы сейчас не о судьбе пророков, а о кризисах и прогнозах. Во время послевоенных кризисов на Западе обильно находились экономисты, успешно применявшие наследие Кондратьева для поисков решений. Поэтому неудивительно, то о Кондратьеве заговорили и сегодня. Однако, несмотря на все признаки глобального кризиса, заметные уже не меньше 10 лет, несмотря на более чем достаточные интеллектуальные ресурсы Запада очередной модернизации политико-экономической теории капитализма так и не произошло. И судя по заявлениям и метаниям политических лидеров нет даже намёток на выход из тупика на основе каких-либо чисто экономических стратегий.

По всей видимости, это означает, что импульс Кондратьева как образца развития экономической мысли исчерпан. Однако гений как пример полёта мысли непреходящ. Так что дело не в Кондратьеве, а в ограниченности самой экономики как теории. Так же как в творческих тупиках современных поэтов никак не виноваты ни Пушкин, ни даже Гомер.

В силу тесной связи политики и прогнозирования эта ситуация творческого тупика в экономике косвенно, но однозначно свидетельствует, что мы имеем дело с системным кризисом, превышающим по своему масштабу кризис 1929 года. Великая депрессия была внутренним системным кризисом капитализма, отражавшим приближение к естественным пределам его стихийной экспансии. Результатом этого кризиса стал перенос акцентов в развитии капитализма, изменение соотношения двух самостоятельных сфер человеческой деятельности, сопряжение которых изучается экономической теорией – это производство и перераспределение.

Стимулирование развития производственных технологий через милитаризм и военный госзаказ стабилизировало довоенный капитализм и открыло путь к мировой войне, изменившей баланс между двумя движущими силами мировой индустриальной системы. Сначала был достигнут паритет между финансами и промышленностью, Западом и Востоком общеевропейского пространства. А в последней четверти XX века финансовый капитал, упра-

влияющий перераспределением, стал доминировать над промышленным, производственным капиталом. Связано это было, в том числе, и с достижением естественного предела развития милитаризма. Частичное разоружение и разрядка напряженности стали побочным эффектом воцарения финансового капитализма в союзе с национальными бюрократиями.

Однако сегодня своих естественных пределов экспансии практически достиг уже финансовый капитализм, гипертрофированный уже не сферу производства, а сферу перераспределения. Стимулирующим инструментом для финансового капитализма является более дешёвый, но потенциально не менее разрушительный аналог милитаризма – глобальная сеть массовых коммуникаций и взращивание «агрессивно-послушных меньшинств» как средство манипуляции обществом. Имя этого младшего брата злобного милитаризма – политкорректный консюмеризм.

Уже на основе этого различия и сопоставления двух разных капитализмов можно начинать делать набросок прогноза на самое ближайшее будущее. Острая фаза финального системного кризиса капитализма будет информационно-психологическим аналогом второй мировой войны. Из сегодняшнего дня первая мировая война видится уже не отдельной бедой, а в своём настоящем качестве – прелюдии и генеральной репетиции Большой Войны. Межвоенное время вовсе не было мирным, да и посвящено было ускоренной милитаризации всех держав. Точно также и сегодня мы можем указать на известный пример «геополитической катастрофы» – распад СССР, который вместе с распадом Югославии послужил прелюдией и генеральной репетицией нынешнего глобального системного кризиса. Из этой аналогии можно вынести определённый прогноз характера угроз и форм протекания острой фазы кризиса.

Можно попытаться спрогнозировать и характер «закрывающей технологии», аналогичной атомному оружию, которое было апофеозом милитаризма и в то же время стало пределом его развития и причиной заката. В фантастической гиперболизированной форме эта технология уже была презентована в фильме «Матрица», где речь шла о «войне» в виртуальном информационном пространстве. При этом главной формой борьбы является постоянная перестройка, «перезагрузка» этого виртуального пространства, которое уже ничем не напоминает существующую реальность.

Нужно заметить, что во время войны «08.08.08» в Южной Осетии западными средствами массовой дезинформации была продемонстрирована виртуозная техника владения этим оружием. Население Северной Америки и по сей день уверено, что это Россия разбомбила Цхинвал и даже Гори, а рвавшиеся к Тбилиси танки были наступлением русских, а вовсе не бегством грузин. Население Европы уверено, что всё описанное американскими СМИ делали не только русские, но и грузины – в стиле «чума на оба дома». То есть обе картины ложные, но создают два разных виртуальных пространства, исходя из долгосрочных политических стратегий двух западных «центров силы». Третья виртуальная картинка – от российского ТВ ближе к правде, но воздействует она лишь на русскоязычное население бывшего Союза. Нужно думать, что в Китае или Индии виртуальная картинка, основанная на кадрах горящего Цхинвала, также не была идеальной и служила стратегическим целям местной элиты.

Острая фаза финального системного кризиса капитализма будет информационно-психологическим аналогом Второй мировой войны

Таким образом, уже на начальных этапах острой фазы кризиса мы имеем тенденцию к распаду глобального информационного пространства на блоки, имеющие естественные границы традиционных цивилизаций. То есть фактически речь идёт о «чудном новом мире», уже давно описанном в романе Дж.Оруэлла «1984».

Однако не следует сразу бросать камни и плевать на устроителей этой «Третьей мировой перезагрузки». Хотя лжесвидетельство тоже тяжкий грех, но всё же не смертоубийство. Экономическая ситуация и её вероятные социальные последствия не оставляют западным элитам альтернативы, кроме как относительно мирными информационно-психологическими средствами достичь такого же эффекта перезапуска социально-экономической машины как и в результате «Второй мировой перезагрузки» в 1939–45 годах. Поэтому в военно-политическом смысле ситуация, наверняка, будет иметь такие же признаки сговора ради раздела сфер влияний как, например, виртуальная картинка американо-советского противостояния в Европе и в космосе в конце 1960-х.

Лучше пусть население будет напугано виртуальной картинкой чем реальными бомбами. Тем более что горячая мировая война на самом деле сейчас никому не нужна. Мир стал слишком хрупок и взаимозависим, чтобы кто-то из мировых «центров силы» рискнул достигнутым ради призрачного мирового господства, означающего к тому же, скорее, глобальную ответственность, а не новые возможности и ресурсы.

Для ровного счёта, раз уж речь зашла о мировых амбициях, нужно назвать и «Первую мировую перезагрузку», связанную с наполеоновскими войнами, благодаря которым капитализм вышел на мировую арену. Не случайно кондратьевские «длинные волны» имеют своим истоком промежуток между Великой французской революцией и финальным наполеоновским Ватерлоо.

Чтобы осуществить следующий прорыв в направлении общественной мысли, указанном примером Кондратьева, необходимо, по всей видимости, отказаться от каких-то исходных ограничений теории «длинные волны». Таким исходным постулатом является, прежде всего, экономический детерминизм, общий для всех ветвей классической экономики – марксизма, маржинализма и прочих компромиссных школ. Другой неявный постулат или, скорее, обратная сторона первого – тенденциозное неразличение двух самостоятельных сторон экономического процесса.

Однако на самом деле таких автономных, но сопряженных сторон единого социально-экономического процесса не две, а четыре. Кроме двух экономических сфер производства и перераспределения имеют место также две социокультурные сферы деятельности, находящиеся в таком же единстве и противоположности. Капиталистическая экономика в своём развитии существенно опирается на ресурсы, приготовленные предшествующим развитием культуры в целом. Первая половина этого процесса раскулачивания ресурсов материальной культуры описана тремя волнами Кондратьева, который отмечает как закономерный момент депрессию аграрной культуры. Но и нематериальная культура активно участвует в строительстве капитализма через развитие классической философии и естественных наук как духовной основы промышленных инноваций.

Вторая половина капитализма – три послевоенные «длинные волны» с переломами в 1968 и 1991 годах. Здесь основой развития является уже индустриальная материальная культура. Но главным ресурсом, который финансовый капитализм потребляет и одновременно разрушает, является духовная сфера, манипуляция желаниями и, как следствие, судьбами массы несчастных людей.

Довоенная сверхэксплуатация аграрной культуры имела свой предел. После войны индустриальной системе в обоих изданиях – и западном, и советском – пришлось вкладывать средства и индустриальные технологии в поддержание аграрного сектора. Кстати, разница между Западом и советским госкапитализмом и здесь не слишком принципиальна.

Перезапуск капитализма может быть только ограниченным, и его повторная экспансия займёт ограниченное время

Просто советская система за скудостью резервов материальной культуры раньше западного капитализма приступила к эксплуатации ресурса духовной культуры. В результате ее запасы истончились на те самые двадцать лет раньше. Сегодня сфера духовной культуры во всём мире находится в таком же депрессивном состоянии, как в горбачёвском Союзе или как аграрная сфера перед второй мировой войной. В острой фазе может произойти такой же эффект шока от сверхэксплуатации, который и станет финалом финансового капитализма, но не финалом социально-экономического и культурного развития. Просто экономическая и информационно-пропагандистская машина после своего перезапуска будет вынуждена начать возвращать долги, работать на обе сферы культуры. В первую очередь на материальную культуру, тесно связанную с национальными традициями каждой страны. Но настанет время, где-то раньше, где-то позже и для развития духовной культуры, определяющей способности личности к творчеству.

Уже сегодня тенденция к обособлению социально-экономических процессов в естественных границах цивилизаций определяется именно этой потребностью – воспроизводства, возрождения культуры как естественной среды обитания нормальных людей. Однако на стыке разных цивилизаций – в лимитрофном пространстве истощение духовного потенциала будет происходить быстрее и станет проблемой для всех соседних цивилизаций, а также рычагом воздействия со стороны дальних конкурентов. Собственно, примером такого давления на геополитических конкурентов являются интриги той же Америки на Балканах, в Закавказье или в Афганистане-Пакистане.

Однако сохранить с помощью такой политики доминирующее положение США в мире или кому-нибудь ещё получить такой же статус практически невозможно. Можно лишь воздействовать на партнёров с целью сохранить равноправный статус как уважаемого центра силы в многополярном мире. Этот прогноз можно давать смело.

Однако сами сценарии многополярности могут быть различными, в том числе и катастрофическими. Перезапуск капитализма может быть только ограниченным и его повторная экспансия в пределах каждой из мировых цивилизаций тоже займёт весьма ограниченное время – несколько десятилетий, даже при согласованном торможении движения, контроле за этими процессами. Однако трения между «полюсами» в лимитрофных пространствах, соблазны занять его раньше соседа, усилив свой потенциал, будут стимулировать ускоренное движение к следующей локальной «перезагрузке», которая может стать уже горячей войной ядерных держав.

Кроме этого дальнейшее развитие высоких технологий и поддержание глобальной инфраструктуры будет просто невозможно в режиме чистой «оружелловской многополярности». Для этого нужны многосторонние усилия и глобальный рынок. Однако обладание следующим поколением технологий разрушает равновесие и может стать, скорее, причиной для конфронтации всех остальных против потенциального, даже мнимого лидера. Это ещё одна из проблем, которую должна решить будущая конфигурация глобальных сил. И лучше начинать решать её уже сейчас, на этом берегу бурного потока, который всем нам нужно перейти.

Помнится, в прошлый раз для созревания стратегической идеи Объединённых Наций потребовалось два года мировой войны. Однако чтобы выработать какую-то общеприемлемую стратегию, нужно, как минимум, описать ситуацию и альтернативы. А потом ещё определиться с союзниками, кровно заинтересованными в таком развитии, и вместе с ними принудить остальных осознать и принять новые правила игры.

Во всяком случае, мы в России точно не заинтересованы ни в бесплодных, но рискованных попытках установить новую однополярную гегемонию кем-либо из мировых держав или блоков, ни в новом оруэлловском средневековье с ядерным оружием. Теперь осталось найти союзников, способных воспринимать нашу логику и участвовать в создании нового внеэкономического глобального центра, способного взять на себя заботу о развитии культуры в интересах всех, гарантировать равный доступ к технологиям, а также функции посредника и координатора миротворчества в лимитрофных зонах. Как обустроить такой новый центр с гарантиями для всех полюсов – это уже не вопрос прогноза, а вопрос действия для политики.